

О РАЗЛИЧИИ МЕЖДУ ДУХОВНЫМ И НРАВСТВЕННЫМ ВОСПИТАНИЕМ, А ТАКЖЕ О ВОСПИТАНИИ НЕБЫТИЕМ И ПОДЛИННОСТЬЮ

Часть первая

Духовное и нравственное: в чём разница?

Общение с учителями, классными руководителями, заместителями директоров школ по воспитательной работе свидетельствует о том, что многие из них просто не понимают различия между понятиями «духовный» и «нравственный», между понятиями «духовное воспитание» и «нравственное воспитание». Когда им задаёшь вопрос «Занимаетесь ли Вы духовно-нравственным воспитанием?», все дружно кивают. Но когда пытаешься уточнить «А каким воспитанием занимаетесь больше — духовным или нравственным?», часто в глазах виден знак вопроса. А некоторые, кто поодверчивее, и вовсе отвечают недоуменным вопросом: «А что это не одно и то же?»

И если большинство всё-таки чувствует, что в понятиях «нравственный» и «нравственность» речь идёт о внешних проявлениях человека, то есть о его поведении, то с понятием «духовность» дело обстоит хуже. Тут, видимо, ещё сохраняется советское понимание того, что «духовное» — это антоним «материального». Духовно, дескать, всё, что нематериально. К тому же по советской привычке очень часто слово «духовность» употребляется как простой синоним

слова «культура», хотя «как в плоскости культуры, — спрашивал отец Павел Флоренский, — отличить церковь от кабака или американскую машину для выламывания замков от заповеди “Не укради,” — тоже достояния культуры? Великий покаянный канон Андрея Критского от произведений маркиза де Сада?»¹.

Заранее оговоримся, что «духовности» мы не будем придавать никакого оккультного, эзотерического или «энерго-информационного» содержания, находясь в лоне православной традиции. Да и просто, помня слова В.С. Высоцкого: «Да, не всё то, что сверху, от Бога».

В этом коротком тексте я попробую развить и детализировать мысль заслуженного профессора Московской духовной академии Алексея Ильича Осипова, который в одной из своих лекций коротко развёл понятия «духовного» и «нравственного». Вот эта цитата с некоторыми сокращениями:

«Мы должны понимать и различать между собой нравственное и духовное. <...> В чем же различие между ними? Нравственность — это верное наше отношение к окружающему миру. <...> Каково оно это правильное отношение? Оно укладывается в золотом правиле: не делай другому того, чего не желаешь себе.

Нравственность связана с определенными **действиями** (здесь и далее в цитате курсив мой. — А.О.) человека. Ведь меня же никто не назовет безнравственным оттого, что у меня

бывают кое-какие мысли, ну не совсем нравственные. А кто знает, какие у меня мысли? Никто не знает. Я вот только скажу о нравственных мыслях, а о безнравственных не скажу. Когда мы пытаемся оценить ту или иную деятельность человека, т.е. характер, поведение, мы оцениваем по каким признакам — **по его действиям, словам, делам** творческим. <...> Которые можем увидеть, услышать, заметить, и в зависимости от этого, мы называем человека нравственным или безнравственным. <...> Я могу подавать деньги нищим, когда просят, я могу делать благотворительные акции или переводить деньги через банк и т.д. и т.п. Вопрос: что же я делаю — добро или зло? С точки зрения морали — бесспорное добро. Вот тут-то мы и увидим, что такое духовность. Никто не знает, зачем я это **делаю**, а мне нужно это для того, чтобы мне в Думу пройти. <...> Мною могут руководить мотивы совсем не человеколюбия, совсем не исполнения заповедей Божиих, о любви к ближнему, совсем не милосердие, а вещи не только противоположные, а вещи подчас безобразные, отвратительные, но, никто об этом не знает. Это во мне, в моем духе. <...> Духовность — это то, что сокрыто для внешнего взора, что находится в самом духе человека, и что может внешне почти не выражаться, или выражается почти незаметно, что для взора неопытного может быть невидимым совсем»².

¹ Флоренский Павел, свящ. Из богословского наследия // Богословские труды. Вып. 17. — М., 1977. — С. 127.

² Осипов А.И. Искажения христианства. Лекция. 25.09.2007. Московская духовная академия // Осипов Алексей Ильич. Официальный сайт. <https://alexey-osipov.ru/video/nauka-osnovnoe-bogoslovie/Osnovnoe%20bogoslovie%202007-2008/2007-09-25-s5-iskazheniya-khristianstva/>.

Золотое правило нравственности, на которое опирается А.И. Осипов, может быть сформулировано и утвердительно («Относись к людям так, как хочешь, чтобы относились к тебе»), и отрицательно («Не **делай** другим того, чего не хочешь себе»). Ключевое слово «делай». То есть *нравственность определяется по поступкам, а не по помыслам*. Она определяется поведением, делами, произнесёнными (а не помысленными) словами. А духовность скрыта в помыслах и чаще всего не видна.

Для наглядности и удобства дальнейших педагогических рассуждений в их контекст введём несколько типичных, на наш взгляд, гипотетических персонажей.

Представьте себе троих людей, схожих по внешним проявлениям поведения. Все имеют хорошую репутацию, все не замечены в дурном поведении, все слынут как положительные люди. Мало того, они не только не замечены (и не замешаны) в дурном, но известны своими добродетелями (благотворительностью, заботой, включённостью в других). Одним словом, их можно характеризовать как людей **нравственных**.

Однако между ними имеются принципиальные различия. И различия эти касаются, в первую очередь, помыслов этих людей. Разберёмся подробно.

Итак, **персонаж первый**. Он не поступает дурно и занимается благотворительностью только потому, что по-другому не умеет. Для него быть нравственным — естественное, каждодневное, привычное состояние. Ему и в голову не приходит, что мож-

но вести себя иначе. У него и в мыслях не возникает иной модели поведения. *Его помыслы чисты, а поведение нравственно*.

Персонаж второй. Совершает добрые дела искренне, но склонен соблазниться дурным. Удерживается от дурного, но не по причине внутренней духовной работы, а по причине банальной трусости, о которой окружающие и не догадываются. Он не против взять то, что «плохо лежит», но боится. *Его помыслы то искренни, то трусливы, но поступки нравственны*. Страх сдерживает его от дурного и в этом случае он играет положительную роль.

По-иному обстоит дело с **третьим персонажем**. При всей его внешней положительности он совершает добрые дела из корыстных побуждений — чтобы его, к примеру, избрали депутатом. *Его помыслы исключительно корыстны и расчётливы, хотя поведение нравственно*.

Внешне три персонажа схожи, так как их поступки нравственны. А вот что происходит у них в головах? Так кто же туда «заглянет»? А сами они уж точно не признаются: первый — по своей скромности, второй — по трусости, третий — по расчётливости. Кто же вам признается в собственной трусости или корысти!

Итак, *нравственность человека определяется внешними проявлениями его поведения, а не степенью чистоты его помыслов*. А внешними признаками наши герои-то и практически не отличаются. Различия будут сводиться лишь к тому, что третий будет всё время доволен свой положитель-

ностью, а первый — недоволен своим несовершенством. А самодовольство, как известно, всегда снаружи и его трудно скрыть. И это, пожалуй, единственное внешнее различие при внутренней противоположности.

Рассмотрим ещё три персонажа. На этот раз речь пойдёт о людях безнравственных, аморальных. Допустим, что герои под номерами 4, 5 и 6 совершили одинаково безнравственные поступки, а может даже и преступления. С позиции права одинаковые проступки требуют одинакового наказания, но... вся трудность в том, что *у одинаковых преступлений бывают разные мотивы. А вот мотивы как раз и «руководят» поведением.* Помыслы-то первичны по отношению к поступкам.

Итак, наши персонажи совершили схожие проступки. Например, совершили кражу. Сравним помыслы (с позиции юриста) одинаково безнравственных людей.

Четвёртый украл потому, что не удержался от соблазна или по причине жизненной нужды. При этом он всячески страдает и мучается содеянным. Его гложет совесть, и покаянные мысли одолевают всё его естество. Он честно ищет пути исправления своей глупости, не уклоняясь от ответственности за содеянное. *Его помыслы устремлены к покаянию за безнравственное поведение.*

Пятый персонаж мог удержаться от воровства, но... не захотел. Он осознаёт всю мерзость своего поведения), но начало «новой» жизни откладывает на завтра, а ещё лучше до понедельника. И откладывает-то он, заметьте,

по собственной воле, а не по причине безволия. Может быть, он не успел за один раз унести то, что «плохо лежало». Одним словом, он мог удержаться от безнравственного поступка, но не захотел. В помыслах он осознаёт безнравственность своего поведения (и это плюс), но не спешит его изменить (и это минус). Опять-таки, напомним, что его помыслы нам «не видны», поэтому его поведение мало отличается от поведения четвёртого персонажа.

И, наконец, **шестой персонаж**. «Воровал! Ворую! И буду воровать!» — утверждает тот. Ему доставляет удовольствие доставлять другим неприятности. Он совершает грех намеренно, а не по недомыслию, безволию или глупости. Его поступки безнравственны, а помыслы грязны.

Вот такие крайности я предлагаю вам для анализа. Расположим характеристики всех персонажей в единой сводной таблице и сравним.

Первый — «тихий праведник», второй — «трусоватый исполнитель», третий — «правильный и самодовольный гордец», четвёртый — «случайно сорвавшийся, но кающийся грешник», пятый — «ещё чуток погрешим» (Александр Галич), шестой — «хулигатель Святого Духа» (в православной традиции так называют тех, кто намеренно совершает грех, не помышляя о покаянии). «Если же кто скажет на Духа Святого, не простится ему ни в сем веке, ни в будущем (Мф. 12:31–32).

На наш взгляд, наиболее интересно сравнивать два персонажа: нравственного 3-го и безнравственного

Таблица 1

	Персонажи											
	1		2		3		4		5		6	
поведение	+	нравственное	+	нравственное	+	нравственное	-		-		-	
помыслы	+	чисты	±	иногда искренны, иногда трусливы	-		+	покаянные	±	осознаёт безнравственность, но не спешит измениться	-	

4-го. Какой из них вам симпатичнее? Не знаю как вам, а мне симпатичнее четвёртый. Он — кающийся и духовно возрастающий человек, хоть и сорвавшийся. А вот третий — духовный «тормоз» и гордец, пребывающий в прелести и самообмане. Помыслы четвёртого чище и достойнее, чем второго. Он совестливее и чище.

Таким образом, *нравственность определяется качеством поведения человека, а духовность — качеством помыслов*. При этом существует иерархическая зависимость нравственной сферы от духовной. Духовное воспитание — это воспитание помыслов, а нравственное — поступков. Добиться нравственного поведения по большому счёту не очень сложно. Для этого существует два способа: *кнут* (запугать, запереть, наказать, посадить на цепь, т.е. лишить

возможности совершать негативные поступки) и *пряник* (задобрить, подкупить, договориться, т.е. сделать невыгодным совершении плохих поступков). Но как только исчезают кнут или пряник, весь негатив оказывается снаружи. Задача воспитателя состоит не только в том, чтобы воспитанник не делал дурного (и наоборот делал только доброе), но и в том, чтобы ему это не приходило в голову. Надо, чтобы добро становилось естественным проявлением человеческой природы, а не средством выгоды. Именно этим и отличается *воспитание духовное* от *воспитания нравственного*. Они связаны между собой. И связаны иерархически — *духовное определяет нравственное*.

Православная антропология и педагогика ясно определяют, что духовное в человеке связано с присутствием

в нём Божественного, связано с соработничеством (синергией) человека с Богом. А это проявляется в человеке в стремлении (жажде) к Богу, в совести как голосе Божиим в человеке и страхе Божиим. На наш взгляд, говорить о безрелигиозной духовности не вполне корректно. По всей видимости, порядочность как образец духовности атеиста — это не вполне целостный образец духовного человека. А уж толковать духовную сферу как сферу искусства, литературы, философии и вовсе нелепо.

Понимание сферы духовного как сферы соработничества Бога и человека обусловлено антропологическим иерархическим триединством его природы: дух, душа и тело. А вот чем отличается духовное от душевного — это тема другого диалога.

Часть вторая

Воспитание небытием или воспитание подлинностью?

Парадоксальным образом
зло в самом своём небытии,
имеет свое бытие.
Свт. Григорий Нисский

Сегодня в условиях отсутствия ясных мировоззренческих воспитательных ориентиров роль управленца в образовании (директора школы, зама по воспитанию, педагога-организатора и др.) стала сводиться к роли менеджера, модератора или аниматора (ах, какие модные словечки!). Это привело к практике, которую мы называем «воспитание небытием».

Воспитание небытием. Раньше, формулируя цель воспитания, мы чаще всего слышали от учителей и родителей фразу «Хочу, чтобы наши дети **были...**». Далее следовали разные высокие слова: «людьми», «личностями», «всесторонне развитыми», «достойными» и т.д. и т.п. Сегодня всё чаще слышен противоположный оборот «Хочу, чтобы наши дети **не были...**». А далее: «наркоманами», «алкоголиками», «бомжами», «проститутками», «лузерами» и т.д. Разницу между **«были»** и **«не были»** чувствуете? Вот оно «воспитание небытием», которое чаще всего сводится не к возвращению добродетелей, а к профилактике пороков.

Причины понятны — разгул СМИ, имущественное расслоение, переходящая в беспредел свобода, всеобщий разврат на фоне рыночных интересов. И каждому *нормальному* (а это уже экзотика!) родителю хочется уберечь своё чадо от этого набора пороков. И он занят тем, чтобы его ребёнок **не стал** таким. А сил и времени на то, чтобы он **стал** кем-либо, уже не хватает. И воспитание (там, где им ещё хоть как-то занимаются) превращается в воспитание **небытия** (чтоб **не стал**, чтоб **не был**) и в воспитание **небытием** (профилактика пороков на примерах). Но... ведь совершенно очевидно, что даже если такая практика воспитания будет реализована в полной мере и наши дети **не будут** (**не станут**) наркоманами, алкоголиками и бомжами, это вовсе не даёт никаких оснований, что они кем-то **будут** (**станут**). *Отсутствие пороков — вовсе не гарантия появления добродетелей.*

Профилактика гадостей автоматически не возвращает доброе, чистое, светлое и возвышенное. Отсутствие мерзости вовсе не гарантирует появление красоты. Возращение красоты и добродетели — это отдельный процесс, мало связанный с профилактикой мерзостей. Беда остатков нашего воспитания состоит в том, что оно почти полностью утратило глагол «БЫТЬ» и сводится к профилактике пороков как проявлений зла, которое, как известно, есть проявленное через человеческую волю «НЕБЫТИЕ». Волевая профилактика порока неизбежно множит зло, ибо оно само всегда персоналистично. Оно всегда есть воля. Оно реалистично в действенности. Забывается святоотеческая мудрость о том, что именно зло есть небытие, лишённость, отсутствие.

И если из воспитательной практики окончательно уйдёт **бытийная** мечта «Я хочу **быть!**», то ничего и **не будет**, ничего и не появится — ни личности, ни Человека с большой буквы, ни Человека как Образа Божия. А в лучшем случае появится стерильно никакой средний (в результате среднего, усреднённого, среднее некуда, образования) человек — не алкоголик, не наркоман, не бомж, но и не личность, не индивидуальность, не мудрец и не мыслитель. Этому результату есть имя — обыватель! Такому процессу воспитания есть название — тщета! А обывательство и тщетность, лишённость и бесцельность — личины НЕБЫТИЯ!

У человека, занимающегося воспитанием должно быть ясное мировоззрение, ясные цели и ясные

принципы его педагогической деятельности. Другими словами, должно быть ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ КРЕДО, ибо времена меняются, а мысли о вечном и подлинном остаются неизменными.

Организовывая много лет воспитательную работу в школе, нам удалось выстроить ясные для нас аксиомы и принципы воспитания в современных реалиях. Мы их никому не навязываем, а лишь предлагаем. А вдруг они будут вам созвучны.

Для начала каждому, кто занимается воспитанием (и педагогу, и родителю) надо ясно понимать, что для него *неприемлемо*.

Что не устраивает нас? Привычная повсеместная практика воспитательной работы в современных условиях нас не вполне устраивает по ряду причин.

Зачастую воспитательная деятельность педагога бесцельна для воспитанника. Это происходит либо по причине навязанности цели воспитаннику педагогом, либо по причине того, что цель педагога, взрослого сводится к тому, чтобы «занять», «заполнить» досуг, «охватить» какой-либо деятельностью. Часто мероприятия проводятся для детей и не становятся событиями их жизни. Их «отбывают», «отсиживают» (или «отстаивают») а не проживают. Их цель в лучшем случае известна только педагогу. Мероприятия не становятся событиями.

Многолетний уход государства от идеологии в воспитании привёл к потере идеалов, которые должны быть образцами для нравственных устремлений воспитанников. Эта

брешь тут же была заполнена другими образцами. И сейчас уже никого не удивишь тем, что десятилетний ребёнок мечтает быть похожим на Рембо или хочет стать рэкетиром. Произошло и дальше происходит смещение понятия нормы добра и зла, и, увы, не в сторону добра.

Установка на воспитание конкурентоспособной личности почти заменила установку заботы и доминанты на другого (А.А. Ухтомский), установка потребления заменила установку даяния. Это привело, с одной стороны, к инфантилизации общества, которую мы понимаем как замедление накопления ответственности, т.е. взросления, и, с другой стороны, к замене понятных установок любви, дружбы, заботы и уважения лукавой установкой толерантности и лояльности.

Педагогика толерантности с её основным лозунгом «Мы все равны!», с одной стороны, порождает, ложное понимание справедливости как *равного* отношения к *разным* людям, а, с другой стороны, приводит к насаждению и торжеству «окаменненного нечувствия» (свт Иоанн Златоуст) к злу и пороку как якобы иному мнению.

Абсолютное большинство воспитательных программ (а соответственно и средств, выделяемых на них) направлены на *борьбу с пороками* (наркоманией, преступностью и пр.), а не на поддержку добродетелей, на борьбу со злом, а не на *возделывание добра*. Акцент, на наш взгляд, должен преобладать не на фиксации результатов борьбы с пороками, а на фиксации результатов достиже-

ния добродетелей.

Наши педагогические аксиомы воспитательной работы. Образование, которое, как известно, состоит из процессов *становления ума (учение, обучение)* и процессов *становления нрава (воспитание)* требует некоторых **целевых ориентиров**, путь к которым или достижение которых и будет **образовательным результатом**.

Если в части становления ума государство, ученые, общественность широко и много обсуждают вопросы государственного образовательного минимума, государственного образовательного стандарта, и вокруг этого идут дебаты и «ломаются копья», то в части становления нрава такие ориентиры почти не вырисовываются. А коль нет хотя бы смутного образа, проекта воспитательного результата (а многие утверждают, что во времена демократии и плюрализма его-то и быть не должно), то вектор движения либо неясен, либо он просто отсутствует. Сегодня мы не «формируем всесторонне и гармонично развитую личность», сегодня мы, в лучшем случае, кого-то к чему-то «адаптируем» или делаем «толерантным», в худшем — пускаем на самотёк по волнам социальных реалий. Идеалы недавнего прошлого объявлены идолами, а новые либо не предложены, либо уродливы. И эта пустота заполняется «житейскими ценностями», которые несут электронные средства массовой информации, которые в нашем отечестве десятилетиями вещали десятками часов голливудские боевики, латиноамериканские сериалы,

заморские мультстрашилки вперемешку с сюжетами о бесполох телепузиках да доморощенные шоу с говорящими названиями типа «Как стать миллионером?», «Слабое звено», «Последний герой». Вот, собственно, весь набор ценностных ориентаций. Среди таких «сосен» «куды податься бедному» заму по воспитательной работе? А выхода два: либо подпевать СМИ и быть «как все», либо идти против течения и быть «белой вороной», а вокруг себя создавать «стаю» таких же ворон и их «гнездо». Второй путь, на наш взгляд, честнее, но труднее. О нём и будем вести речь далее. А для этого сформулируем *наши* основные **педагогические аксиомы воспитательной работы**. Может быть, кому-то они могут показаться спорными, но для нас они очевидны, а поэтому действенны. Они таковы.

Целенаправленная деятельность есть условие *наполненности* жизни *событийностью*, бесцельная деятельность есть источник *суеты* или *скуки*.

Принятая душой и/или самостоятельно сформулированная *цель* (мечта, план) является обязательным условием стремления к её достижению, в то время как *навязанная цель* освобождает от ответственности за её достижение.

Возможности нравственного становления *разных* людей, *разных* коллективов *различны* и *неравны*, поэтому справедливыми являются разные отношения к разным людям, к разным коллективам. «Нельзя со всеми обращаться одинаковым образом, так же как врачам нельзя всех больных лечить одним способом, а кормящему

знать лишь одно средство для борьбы с ветрами» (Свт. Иоанн Златоуст).

Неодинаковость, неравенство возможностей исключает *обязательное* соперничество (конкурентность), которое является источником страстей и не способствует нравственному становлению, как отдельного человека, так и коллектива. *Добровольность* участия воспитанника или коллектива в том или ином событии исключает или в максимальной степени снижает риск ухудшения отношений в коллективе школы, так как возможный неуспех не является в таком случае объектом оценки. При этом любой общественно значимый *успех должен быть замечен, положительно оценён, отмечен и признан* школьным сообществом.

Нравственное становление человека происходит в условиях даяния (а не потребления) другому, в условиях «доминанты на другого» (А.А. Ухтомский). Следовательно «ведущим видом деятельности» воспитанника, дающей нравственный рост, является *забота о другом*.

Цели воспитания. Для определения целей воспитания необходимо согласиться с тем, что человечество (и каждый из нас!) нездорово, нецельно, ущербно и повреждено, и мы, во всяком случае, в отношении самих себя с этим не намерены мириться. Необходимо понять, что *нормой* является *наличие здоровья*, хотя **большинство** окружающих им и не отличаются, а курение не может быть нормой, даже если курящими будет **большинство**. **Большинством** нельзя решать вопрос «Что такое хорошо, что такое

плохо?» (А тем более в ситуации сегодняшнего псевдодемократического плюрализма.)

А что же является образцом, эталонным **цельности** и **полноты** человека? Интуитивно каждый из нас имеет этот образ. И если любому из нас предложить выбрать одно из пары противоположных человеческих качеств, спросив «Что ты предпочтёшь?», «Каким ты видишь своего друга?», «Какой ты хочешь видеть своего любимого?», — то каждый сможет сделать внятный и определённый выбор. Попробуйте и вы:

- милосердный или жестокий;
 - кроткий или строптивый;
 - добрый или злой;
 - воздержанный или распущенный;
 - великодушный или обидчиво-злопамятный;
 - целомудренный или выдавший виды;
 - любящий или ненавидящий;
 - участливый или равнодушный;
 - сдержанный или раздражительный;
 - заботливый или эгоистичный?
- и т.д. и т.п.

Этот ряд можно продолжать почти бесконечно, но для человека, в котором есть хоть толика человеческого, выбор очевиден, ибо **норма** обладает свойством **очевидности**. И если вы выстроите в ряд первые слова предложенных пар, то вы получите перечень свойств цельного, здорового, полноценного, целостного человека. Мы сразу предвидим репли-

ки: «Да ведь таких-то не бывает!», «Да где же такого взять?» Да, правда состоит в том, что найти такого человека почти невозможно, что **большинство** — не такие. Но ещё раз заметим, что **большинство** не сможет решить вопрос нормы, полноценности, ибо большинство не является таковыми. **Истина не может решаться большинством.**

При таком подходе становится понятной и очевидной **цель воспитания**, которая состоит в *восстановлении полноты, исцелении, спасении человека, цельности его душевного и духовного здоровья*. А это путь к «здравию как отсутствию недуга, болезни» (В.И. Даль). И тогда трудно не согласиться с профессором А.И. Осиповым, утверждающим, что такая **цель воспитания** обуславливает две простые **воспитательные задачи**: «а) поверить в то, что человек «болен» и его надо «лечить»; б) научить человека бороться со всем дурным, что есть в нём самом»³. По его же словам, вся разница в воспитательных подходах состоит в том, что «больной ищет здоровья (а, значит, ищет путь, как стать лучше, чище, добрее), а здоровый ищет наслаждений, удовольствий и развлечений (которые вряд ли делают человека лучше)»⁴.

Да, человеку (а тем более ребёнку) очень трудно согласиться с тем, что он не вполне здоров, с тем, что он не полноценен. Но, на наш взгляд,

³ Осипов А.И. Воспитание и образование: православный взгляд. Лекция // CD Цикл общественных лекций профессора МДАиС А.И. Осипова. Выпуск 4. — Студия «Духовное образование».

⁴ Там же.

это единственный путь для достижения понятной **воспитательной цели: восстановления полноты (полноценности) человека, исцеления (восстановления цельности) человека**. Наш путь — это путь искоренения ущербности человека

при помощи его собственных волевых усилий. А растущий, восстанавливающий себя человек, становится достойным.

Мы попробовали так работать с детьми. У нас получилось. Может и вам это подойдёт?